

Кольчугой идол загремел, и глухо
Сквозь гул, как шепот, донеслось до слуха;
«Победа», – и Арсита воздал честь
Владыке сеч за радостную весть.
Надежды полон, с радостной душой
Арсита полетел на свой постой,
Как птах, что свету солнечному рад.
Но в небесах пошел такой разлад,
Так за своих боролись подопечных
Венера, божество страстей сердечных,
И грозный Марс, оруженосный бог,
Что сам Юпитер их унять не мог.
Но вот Сатурн, холодный, бледный царь,
Что много знал случившегося встарь,
Сноровкою и опытом силен,
Нашел исход для спорящих сторон.
Недаром старость, говорят, сильнее,
Чем юность, зрелой мудростью своей:
Юнца всегда перемудрит старик.
Сатурн, чтобы утишить шум и крик
(Хоть мир противен был его натуре),
Нашел благое средство против бури.
«О дочь моя, – промолвил он Венере, -
Мой бег, вращаясь по обширной сфере,
Мощней, чем мыслит слабый ум людской:
Я корабли топлю в волне морской,
Я в темной келье узника сушу,
Я вешаю за шею и душу.
Мне служат распря, грубая расправа,
Крамола, ропот, тайная отравка;
Я мщу, казню, нещадно кровь лия,
Когда в созвездье Льва вступаю я.
Я – разрушитель царственных палат;
Мигну, и трупы плотников лежат
Под башней иль стеною сокрушенной.
Я схоронил Самсона под колонной.
Я – повелитель недугов холодных,
Предательств темных, козней подкожных,
Я насылаю взором злым чуму.
Итак, не плачь! Все меры я приму,
И будет твой ревнитель Паламон,
Как ты сказала, девой награжден.
Хоть Марсом защищен второй боец,
Но все же мир наступит наконец,
Хоть столь у вас двоих различен нор, -
Что не проходит дня без свар и споров,
Но я, твой дед, готов тебе помочь,
Твое желанье я исполню, дочь».
Теперь оставлю я богов верховных,
И Марса, и богиню мук любовных,
И изложу – сколь можно, без прикрас -
Конец того, о чем я начал сказ.
Великий праздник зашумел по граду,
К тому же месяц май дарил отраду
Сердцам людей, и вот за часом час